

Ф-94

h2

Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового  
Красного Знамени государственный университет  
им. А.А. Жданова

На правах рукописи

Функ Берндт

СЕЛЕВКИДСКИЙ УРУК  
ЭТЮДЫ ПО ИСТОРИИ ГОРОДА В МОНАРХИИ  
СЕЛЕВКИДОВ

Специальность 07.00.03 - всеобщая история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Диссертация написана на русском языке

Ленинград  
1975

Настоящая работа ставит своей целью проследить на примере древнего Урука особенности развития и статуса вавилонского города в системе селевкидской державы. Имеющимися по данной теме источниками обусловлено было само изложение и его содержание. Дошедшие до нас материалы главным образом клинописные контракты о купле-продаже и подобных деловых актах. В соответствии с их данными в работе освещены вопросы о составе населения Урука и характере города в свете эллинизации. Наши источники далее позволяют судить о социально-экономической структуре и об устройстве Урука; в известной мере мы также черпаем сведения о наличии органов царской власти. Однако, в державе селевкидов господствовала своеобразная система связей центральной власти с местными властями. При осуществлении этих связей, на наш взгляд, играл большую роль культ царя как политический рычаг селевкидской государственной доктрины. Он как раз выражал характерный для селевкидов принцип личной унии царя с местными общинами. Для Урука мы, однако, не обладаем прямыми свидетельствами данного культа, вследствие чего в работе освещена специфика становления этого культа при селевкидах в целом и в том плане, в котором он действовал на протяжении всей селевкидской истории, не исключая, конечно, модификаций. Это обстоятельство и объясняет этнический характер работы, построенной как на восточном, так и на греко-латинских источниках, и представляющей собой попытку синтеза материалов двух дисциплин.

В первой главе диссертации под названием "Население эллинистического Урука" рассматриваются вопросы демографического порядка. Неустанный интерес к демографическим вопросам побуждает нас к занятиям подобными проблемами, тем более что по теме народонаселения в эллинистических государствах мы имеем небольшое количество работ. Г. Бенгтсон в своей "Греческой истории" говорит даже о том, что за исключением Египта, по всем остальным государствам мы не имеем столь

достаточных свидетельств о численности населения, дабы судить о нем верно. Действительно, о численности других эллинистических государств мы не имеем должного представления, однако нам кажется, что демографическое исследование не исчерпывается установлением одних лишь численных соотношений, а должно учитывать и качество населения, т.е. его этнический состав и законы его сложения. Изучив все это в одном комплексе, а не оторванно друг от друга, мы сможем реконструировать хотя бы частично картину данного времени. Применяя эту установку к намеченной нами теме, нам предстоит коснуться вопросов арамеизации и эллинизации в Передней Азии, проблемы слияния и совместной жизни разных этнических групп в рамках одного города.

Обращаясь теперь непосредственно к теме данной главы, нам кажется, что следует начать с проблемы так называемой арамеизации Передней Азии и, в частности, населения Вавилонии. Дело в том, что этот процесс арамеизации относится к тем условиям, которые обнаружили греки и македоняне, когда они пришли в эти земли. Этот процесс уходит своими корнями к II-му веку до н.э., когда развернулось арамейское переселение семитов. Они заняли тогда Сирию, Месопотамию и окраины Вавилонии, где возникло, в результате этих переселений, множество племенных княжеств. Однако это было лишь необходимой предпосылкой для того, чтобы этот процесс мог претвориться в жизнь; что и началось с того, как ассирийский царь Тиглатпаласар III впервые включил в состав ассирийской империи завоеванные страны в качестве провинций. Создавая общ.рную державу, ассирийские цари считали необходимым раз и навсегда покончить со всеми возможными выступлениями со стороны покоренных народов Передней Азии. Это стало осуществляться при помощи определенной политики, проведенной ассирийцами весьма сурово и последовательно: они рассеяли покоренные народы по всей территории своей державы, таким образом, что каждый народ получил новое место жительства, притом не совместно, а расспано и разбро-

сано по всей империи. В результате люди были оторваны от своих исконно родных земель, от своих соплеменников и поставлены в совершенно новые для них условия, основательно лишились собственных форм жизни, организации и структуры, оказались в чуждом окружении, полностью неспособными ко всякому сопротивлению своим поработителям. Эти новые условия способствовали формированию человека совершенно новых качеств. И.М.Дьяконов отмечает в своей работе "Развитие земельных отношений в Ассирии" (стр.118), что с этого времени наблюдается превращение пленных в зависимых землевладельцев и говорит в связи с этим о возникновении новой категории населения. Фактически эти люди должны были жить по навязанным им нормам, ибо им нельзя было иначе уцелеть. Однако в результате возникла безликая, этнически уже неразличимая масса населения, которую связывала их общая служба на пользу ассирийцев и общий язык, которым был арамейский. Арамейский язык, вернее его диалекты, стал обычным повседневным языковым средством общения этих людей, растворившихся в конце концов в общей массе перемешанных народов.

В заключение мы можем утверждать, что арамеизация привела к формированию этнического единства всех разношерстных этнических элементов, которые еще в ассирийское и нововавилонское время населяли территорию Передней Азии. Данный процесс завершился в пору господства селевкидов. В итоге этническое единство выражалось в том, что в основе культуры сирийцев лежала вавилонская культура, а говорили они на арамейском языке. Учитывая приведенные особенности развития народонаселения в Передней Азии, напрашивается еще одна мысль: селевкиды, управляя этой страной, отнюдь не имели дело со столь ярко выраженным этническим конгломератом, как это принято считать в научной литературе. Центр их власти — Сирия — недаром их звали "сирийскими царями", располагавшаяся вплоть до Вавилонии, а она, пожалуй, была сильнейшей опорой их власти на востоке — оказался населен-



ным довольно гомогенным народом. Здесь селевкиды, очевидно, чувствовали себя наиболее утвердившимися, здесь жило население, не разобщенное междуусобицами. Совершенно естественно, что селевкиды не препятствовали процессу, в ходе которого образовался сирийский народ, будучи царями Сирии сознательно, а процесс этот был им удобен. Отсюда вытекает, что селевкидская эпоха играла большую роль в становлении сирийской нации, создавала благоприятные условия для этого, а тем самым является важнейшим этапом процесса, последствия которого можно проследить вплоть до средних веков. Все это и есть одна из тех черт, которые характеризуют место данной эпохи в мировой истории.

Таким образом, эллины покорили территорию, которая по части этнических перемещений и преобразований имела богатую традицию. Не менее сильны были традиции этих областей и у правящего ими народа: со времен ассирийских завоеваний господство и верховная власть всегда находились в руках одного народа — завоеватели. Следовательно, население Передней Азии привыкло к тому, что им управляет какой-то не ассимилированный с ним народ-покоритель. Очевидно, в этом следует видеть хотя бы одну из причин того, что македоняне и греки так быстро и легко сравились с персидским господством и были таким же образом восприняты арамейским населением.

Оба наши вывода и о гомогенности сирийцев, и о традиции господства одного народа-завоевателя, если их признавать таковыми, могут служить важной предпосылкой для объяснения причин эллинизации Востока, в частности, Вавилонии.

Довольно богатый материал клинописных источников селевкидской поры, касающийся и формуляра контрактов и личных имен, а также оборотов речи подтверждает сделанные нами выводы.

Подобные сведения мы черпаем из упомянутых текстов и по части греческого влияния. Их анализ позволяет нам сделать следующие выводы:

Греческая культура, навязанная вавилонянам сверху, греко-македонскими завоевателями, осталась лишь своеобразным наслоением, притом именно момент приращения при насаждении этих культурных элементов привел к тому, что формы эллинской культуры действительно упрочились настолько, что мы их обнаруживаем и в парфянское время. На наш взгляд, именно это обстоятельство и является наиболее ярким показателем того, что эллинская культура была лишь формой, а не содержанием жизни позднего Урука.

Но в чем же тогда заключается действительная эллинизация? По нашему мнению, ответ на заданный вопрос находится прежде всего в факте наличия греческих имен, которые носили урукиты. Дело в том, что в разбираемых нами деловых документах нередко упоминаются урукиты, притом ведущие свою родословную от таких древнейших родовых имен как Аху'уту, Экурзакир, Луш-таммар-Адад и т.д., которые либо сами носили греческое имя, либо кто-нибудь из их предков. Совершенно естественно, что нет основания сомневаться в том, что такое обстоятельство не является случайным явлением, и что не каждый урукит мог выбрать себе греческое имя по собственной прихоти. Тем более это невозможно, так как далеко не все урукиты носили подобные имена. Скорее всего дело заключается в том, что урукитам дарили право на греческое имя, присваиваемое греками. Речь идет об акте, зафиксированном дважды в надписях о строительстве в главном храме Урука Бит-реш. Присвоение греческого имени урукиту, несомненно, свидетельство, связанное с правовым положением коренного населения и указывает на то, что подобный акт считался награждением данного лица, необходимым ему для полного утверждения своей персоны в обществе. Косвенным доказательством является и то, что в наших документах не встречается грек, носивший вавилонское имя. Греки и македоняне, как представители народа-завоевателя, видимо, автоматически ставились гражданами того города, в котором они жили; они не нуждались в особом предоставлении гражданских прав. В.Тарн указывает на то, что есть основание предполагать, что жители Селевкии на Тигре имели право называть



ся и гражданами Вавилона. Как известно, Селевкия на Тигре была заселена выходцами Вавилона. И это следует считать косвенным доказательством того, что в селевкидское время греки-македоняне могли быть гражданами также вавилонского города.

Подводя итог нашим размышлениям, мы можем утверждать, что сущность эллинизации в Вавилонии на примере Урука прежде всего заключается в политических отношениях и правах, которые были предоставлены местному населению греко-македонской верхушкой. Мы знаем, что население Вавилонии всегда симпатизировало селевкидам и в отличие от времен Ахеменидов, никогда не поднималось на восстание. С другой стороны, селевкиды относились к своим вавилонским подданным всегда терпеливо и никогда не посягали на их льготы, привилегии, на все то, чем жили вавилоняне. Напротив, мы знаем, что селевкиды именовали себя с самого начала царями Вавилона и всячески опирались на местные традиции, могущие оправдать их легитимность на вавилонском престоле. Вавилонское жречество, т.е. верхние слои общества, пользовались и при греческих царях большим влиянием; напомним эпизод, связанный с основанием Селевкии на Тигре. Именно жрецам было поручено определить день и час закладки фундамента нового города, т.е. при основании нового города македонским царем соблюдался вавилонский ритуал. Вавилоняне со своей стороны проявляли свою благосклонность к царскому дому тем, что их традиционная клинописная литература с этих пор выбрала предметом своих занятий историю селевкидов, написанную, насколько можно судить, в проселевкидском духе. Мы знаем клинописную Хронику Диадхов, сообщение из правления Антиоха Сотера и царский список эллинистического времени. Правда, основным побуждением для создания подобных хроник послужила несомненно мысль о создании собственной истории; однако в лице Бероса мы располагаем образцовым примером прогречески настроенного вавилонянина; Берос использовал именно данными хрониками.

Отметим, в связи с этим особо, что самоцель написания таких хроник лишь раз доказывает, насколько господство селевкидов не затрагивало устоя вавилонского общества, которое должно существовать весь комплекс вавилонского образа жизни. Если бы не сохранился строй, который когда-то породил подобные виды литературы, то и этой литературе, видимо, давно пришел бы конец. Устанавливая таким образом, факт столь благоприятных отношений между завоевателями и покоренными, мы должны ответить на вопрос "почему?". Почему вавилоняне столь быстро восприняли греков, почему селевкиды не должны были прибегать к суровым политическим мерам? Вероятно, ответ может быть один только: сходство в уровне общественного развития обеих сторон. Вавилонян устраивал строй, который своей политикой защищали Селевкиды. Наше заключение не только подтверждается отсутствием каких бы то ни было антагонистических противоречий, но и тем, что и греки, и вавилоняне вступили в свою последнюю фазу развития, чему прекрасный пример сама история селевкидского государства с одной стороны, а исчезновение вавилонских городов в парфянское время, с другой.

Вторая глава диссертации посвящена вопросам структуры селевкидского Урука как тип вавилонского города в монархии Селевкидов.

Определение господствующих в Уруке данного времени социально-экономических отношений должно исходить из информации, предоставленной нам источниками. Это, прежде всего, материал клинописных табличек, которые сообщают нам о различного рода сделках граждан Урука. Как уже было отмечено, эти таблички представляют собой контракты, заключенные между партнерами купли-продажи всегда какого-то определенного объекта. Эти объекты для нашего исследования и будут в известной степени служить стержнем изложения, хотя они, конечно, носят лишь внешний характер и не могут иметь принципиального значения при окончательном выводе этого анали-



за. Дело здесь скорее в том, что сам состав источников нуждается и с прибегать местами именно к названному методу; с другой стороны, это обстоятельство, очевидно, способствует неоднократному отступлению от этого метода: дело в том, что деловая жизнь осуществлялась людьми, а те занимались не одним лишь видом деловых операций, а, конечно, всей гаммой сделок, возможных тогда в Уруке. Глава построена на анализе пребендных текстов, связанных с храмовой должностью.

На основе текстов мы могли убедиться, что пребенды имели самое непосредственное отношение к устоям позднеурукской общины. Как правило, они связаны с главным храмом Урука, с Бит-Реш, который для данной общины был, несомненно, центром общественной жизни. Исходя из этого, совершенно очевидно, что пребенды в системе управления этого города занимали весьма существенное место. Пребенды имели отношение, главным образом, к культу. Однако мы обнаружили и такие пребенды, которые не были прямо связаны со священнодействием, не касались городской администрации.

Любая из названных пребенд имеет свое название, что указывает на содержание ее объекта. А так как все пребенды приносили пребендариям доход, то их названия позволяют судить, из каких статей храмового дохода эти пребенды выплачивались. Так, пребенда мясника или пивовара оплачивалась за счет жертвоприношений, соответственно, мясом или пивом. Точно так же обстояло дело с пребендами маслодела и повара. Но встречаются пребенды, которые не связаны прямо с жертвоприношениями определенного вида, такие, как эрибиту, раб-бануту, строителя, привратника. Тем не менее они тоже оплачивались за счет жертвоприношений регулярных, экстраординарных, месячных, праздничных и т.п. При этом необходимо отметить, что оплата пребенд была твердо фиксирована и не зависела от колебания размеров храмового дохода. Иначе говоря, пребенды выплачивались из храмовой каз-

ны, а не прямо со сборов во время жертвоприношений. Только так можно, например, объяснить существование таких пребендариев, как раб-бани, строитель, золотых дел мастер божьего дома Урука, глиняных дел мастер божьего дома Урука, которые не имели прямого отношения к жертвенным дарам. Правда, две последние пребенды в наших текстах не упоминаются, но зато в некоторых из них фигурируют пребендарии с такими титулами. За то, что они именно пребендарии, говорит их непосредственная связь с божьим домом Урука. Часть доходов пребендарии получали от земли, которая находилась у них в держании в качестве составной части пребенды, причем некоторые из этих земельных держаний имели статус "дома лука", некогда военного держания. Пребендарии привратники, несомненно, получали часть пошлин, взимавшихся в городских и храмовых воротах.

Из сказанного вытекает, что пребенды представляют собой довольствие, доход, данный формально за выполнение определенных функций или должностей в храме или же в общине, т.е. они во всяком случае связаны с урегулированием общественной жизни города Урука. Иначе говоря, пребенды оказались формой администрации и управления урукской общины. Вместе с тем они являются отражением принципа коллективного управления, типичного для древнего общества. Это, во-первых, нашло свое выражение в существовании корпораций пребендариев, видимо, обладавших внутренней автономией; а во-вторых, сам факт наделения должностей доходными пребендами и соответствующее этому деление их на многие компетенции содержит в себе известный намек на коллективность, т.к. лишь совокупность этих должностей и представляет собой урукскую общину.

В связи с этим возникает вопрос о происхождении пребенд, т.к. видимо, лишь под этим углом зрения можно понять сущность вавилонской гражданской общины. Пребенды, очевидно, являются одним из древнейших институтов вавилонского храма в пору шумерского прошлого возникшими из чисто культовых



потребностей с совершенно реальным содержанием. Для отправления ритуала, очевидно, был выбран определенный круг лиц; а так как ритуал являлся обязанностью храма, совершаемой им от имени всего общества, то расходы по нему нес храм. Это означало, что данные люди, занятые отдельными отраслями этой деятельности, жили за счет святилища; их деятельность носила общественный характер, а так как шумерское общество вело в основном храмовое хозяйство, (т.е. земли принадлежали храму и были разделены между разными ведомствами), то деятельность пребендариев превратилась со временем в особую привилегию. Совершенно естественно, что с ростом частнособственнических отношений институт пребенд стал источником доходов, т.к. сузилась роль храма в обществе и из необходимого общественного органа возник инструмент классового господства. Эти должности, конечно, всегда были заняты гражданами. Но со временем, по мере имущественной дифференциации гражданского коллектива, обладание пребендами сосредоточивалось в руках богатой верхушки. Менялся персональный состав этой верхушки, а вместе с ним и персональный состав пребендариев. О том, как конкретно протекал этот процесс в селевкидском Уруке, показывают рассмотренные нами документы.

Пребенды в своем первоначальном виде восходят к институту предопределений, т.е. родовых профессий, где за определенными родами закреплялось монопольное право исполнения тех или иных общественных функций. Таким образом, пребенды можно рассматривать как многократно модифицированный пережиток древнейшей культуры Шумера-Вавилонии. В условиях развитого классового общества пребенды превратились в один из методов распределения прибавочного продукта, созданного в храмовых хозяйствах между состоятельными гражданами, составлявшими верхушку общества.

Нам осталось сказать еще несколько слов о пребендах позднего времени. Как мы убедились, пребенды делились на

доли; а эти доли составляли какие-то части одного дня. Именно это обстоятельство и показывает, что в позднем Уруке сами пребендарии к данным объектам прямого отношения не имели. Так как каждый день был разбит на огромное количество долей, исключалась, естественно, любая возможность у пребендариев лично исполнять свои обязанности. Они лишь пользовались правами и доходами, а саму службу несли, очевидно, какие-то заместители, члены клиентелы такого пребендария. Ведь сама пребенда была неделима, на что указывает упоминание совладельцев и сама практика подтверждает это, ибо реальное деление пребенд повлияло бы на их доходность. Делению подлежали лишь сами доходы с объектов, их и получал пребендарий. Таким образом, возник слой держателей храмовой собственности, опиравшийся на древнейшие традиционные привилегии и заправлявший делами урукской общины. Его представители свободно скупали и продавали пребендные доли, которые находились в постоянном процессе дробления. Но с другой стороны, все время давала себя знать тенденция к мобилизации пребенд в руках немногих. В итоге в селевкидском Уруке каждая пребенда превратилась в kaleidoscope множества мизерных долей, совладельцев, сменявших друг друга и стремившихся перехватить друг у друга отдельные доли. Складывается впечатление, что пребенды представляли своего рода "акции" и каждому хотелось получить как можно больше частей в определенной пребенде. В руках отдельных владельцев оказывались доли разных пребенд, что также показывает, что пребендарий реально обязанностями, связанными с пребендами, не занимался. Такое положение вещей наводит на мысль о том, что пребенды были важны не просто в экономическом, житейском плане, а также в социально-политическом отношении. У кого был больше влияния и места в определенных пребендах, у того, очевидно, было и больше общественного веса.

Еще с нововавилонского времени нам известно, что подобные пребендарии располагали огромным числом людей, всюду и



всячески выступавших в их интересах. Система пребенд неизбежно влечет в себя существование подобных отношений. При разборе наших текстов бросается в глаза, что пребендами пользуется сравнительно узкий круг избранных семейств, фамилии которых постоянно повторяются: Ахууту, Кузу, Шади, Лунтаммар-Адад, Экур-закир, Гимил-Ану, Син-лик-уннини и т.д.

В целом надо сказать, что пребенды в большинстве случаев представляли собой владения семейные. Правда, в селевкидском Уруке благодаря свободной купле-продаже в число совладельцев постоянно попадали "чужаки" из других фамилий, но обычно пребендой владела одна фамилия, представленная многими семьями, являвшимися ее ветвями. Это лишнее раз подтверждает наше заключение о привилегированности данных владений и их держателей, подтверждает, что именно они вершили судьбы Урука. В этом, между прочим, кроется один из секретов дружеского отношения вавилонян к Селевку Никатору. Селевк Никатор не трогал привилегии и права вавилонской верхушки, т.е. пребенды и все остальные формы ее доходов, вследствие чего между вавилонским гражданством и царем-македонянином сложились хорошие отношения.

Если посмотреть на институт пребенд с точки зрения уровня развития общества, то прежде всего следует отметить факт неограниченной купле-продажи пребенд. Так как пребенда равна должности, то мы можем установить факт торговли должностями — признак общества, переживающего кризис. Более того, пребенды ведь представляют собой священный предмет; мало того, что им торгуют, им добавляют еще и управляют люди, выполняющие эти функции по замещительству. Далее, происходит интенсивный процесс мельчания и дробления пребенд, который отражает разорение массы гражданства — снова признак кризиса. Общество, докатившееся до прямой профанации собственных богов, окончательно лишилось истинного содержания своих древних традиций, которые поддерживались

лишь внешне в целях развернутой коммерческой деятельности. Это общество, несомненно, переживало кризис как в области социально-экономической, так и в области духовной.

Особого внимания в этой главе заслуживают выводы об институтах раб-бануту, "дома лука" и сад-халлат. В раб-бануту автор усматривает институт, имевший прямое отношение к высшим слоям урукской общины и предоставивший право на доступ к этим слоям. Эволюция "дома лука" привела в селевкидское время к тому, что данное земельное держание утратило всякую связь с военной службой и с землей и стало пребендой. Сад-халлат по мнению автора не является эмфитевтической арендой, а священной рошей, т.к. деление доходов с этой пребенды на дни и доли дня исключает в ней видеть плантации или сады. Намного более убедительно представляется видеть в сад-халлате святилище, жившее за счет пожертвований и посвященных даров, которые как раз и подлежат разделу на дни месяца и доли дней.

Глава заканчивается обзором политического строя селевкидского Урука. Здесь отмечена деятельность Народного собрания, Совета старейшин и ряда магистратов. При этом автором подчеркнуто, с одной стороны, крайне олигархический характер конституции Урука, теснейшая связь гражданства с храмом, а с другой — контроль над урукской гражданской общиной со стороны селевкидской монархии в лице диакетов и урукитов, получавших эллингство по декрету.

Третья глава диссертации посвящена возникновению культа царя в государстве и в городах селевкидов. Автор, исходя из своеобразной внутренней структуры селевкидской державы (отдельные общины связаны с центральной властью путем личной унии), усматривает в культе царя важнейшее связующее звено, через которое селевкиды осуществляли свою внутреннюю политику.

Обращаясь к государственной системе Селевка I, автор попытался разобраться в том, каким образом царь утвердил или заново ввел старые культы полисов в основанных им самим



городах, пытаясь тем самым компенсировать в сознании граждан потерянное чувство суверенитета полиса. В связи с этим встает и вопрос о возникновении культа, который, с одной стороны, связывает царя со старыми богами, — с другой, превозносит его над политами.

Селевку был на руку культ его персоны, и он старался его всячески поддержать и усилить. Царский культ был несомненно важной частью селевкидской государственной доктрины. Будучи монархом, сознавшим себя основателем династии, он ни в коем случае не мог отказаться от династической политики, дававшейся ему относительно легко. В соответствии с этим способы выражения культа были различными: использовались и символика, и портреты, чеканенные на монетах, и превознесение образа властителя в изобразительном искусстве, в создании соответственных культовых святилищ, в топографических названиях и в эпиграфических памятниках.

Мы располагаем достаточным количеством сведений, почерпнутых из источников времен правления царя, заслуживающих тем самым большого доверия. С другой стороны, по разным причинам Селевк Никатор не сделался сам богом. Скорее всего он пользовался сложной системой рычагов, что мы можем подтвердить в дальнейшем. Если он учитывал сущность и характер особенностей полиса, то он не мог просто провозгласить себя богом. Ни в коем случае нельзя не учитывать, что Селевк был первым селевкидом, и начатая им новая политическая линия далеко не могла считаться законченной эллинистической государственной системой. С другой стороны, он имел в лице Александра пример своеобразного государственного устройства. Последний обосновал впервые в Египте в полном смысле царский культ. Полное отрицание этого факта привело бы к путанице в данном вопросе. Признание Александра в роли основателя эллинистического царского культа неизбежно, поскольку в использованных источниках имеются достаточно веские доказательства.

Обожествление же Селевка Никатора развернулось в течение идеологического процесса, соответствовавшего видоизменившимся социально-экономическим и географико-этно-культурным условиям и благоприятствовавшего насаждаемому возникновению царского культа, как официальной религии.

В проводимой идеологической политике Селевк использовал четыре принципа: во-первых, — традиция Александра, связанная с официальными олимпийскими богами, во-вторых, — популярный культ Диониса, в-третьих, — культ Аполлона, как нововведенный и принадлежащий лично селевкидам, и, четвертое, — использование греческого и восточного наследия, нередко употребляемое в смещении.

При этом официальная полисная религия Зевса и Аполлона сознательно подвергается разделению: Зевс связывается с Александром, Аполлон становится символом династии селевкидов, стоит особняком, и главное, — на него возлагаются новые задачи. Таким образом, Селевк, с одной стороны, выступает наследником Александра, с другой стороны, является обладателем нового огромного территориального государства, в котором царскому культу, как явлению внутривосточного порядка, принадлежит специфическая роль, но в отношении к многочисленным, вновь возникшим городам он должен был проявить особое внимание.

Таким образом выделяются два вида культа царя: государственный и городской.

Государственный культ основан на личной инициативе царя и существовал, несомненно, еще при жизни Селевка Никатора. Был уже неизбежен потому, что одной из насущных целей оказалось проведение династической политики. Вообще династический аспект был существенной частью внутренней политики селевкидов. Так, мы сможем установить при рассмотрении элементов, составлявших культ в качестве династического начала в выборе определенного символа или мотива. Легитимация собственного господства и демонстрация правомерного



престолонаследия всех селевкидов побудили царя сделать своими предками как Александра, так и ахеменидов; несомненная связь существовала и с вавилонскими предшественниками царской власти ( Luk.P.Syr.the ). Царский культ был важен для единства державы; именно особое положение державы требовало к себе внимания и принятия определенных мер, осуществлению которых хорошо мог способствовать государственный культ со свойственным ему принципом централизации.

В числе признаков государственного культа назовем следующие моменты: культ божественных предков, апофеоз и специфическое почитание Аполлона, связанное именно с Селевком и осуществленное еще при вступлении его к власти, монетные портреты Селевка, упомянутые статуи Селевка, изображения царя с божественными рогами, известные значения имеют и источники, сообщающие о Селевке-Зевсе и связанные с эпитетом Никатор. Данная идентификация не носила официального характера и должна оцениваться как робкая, но действенная попытка отождествления с целью подготовки более явной идентификации. В итоге данная тенденция становится составной частью государственного культа. Полная идентификация Селевка-Зевса состоялась лишь при Антиохе Сотере. В связи с этим интересным представляется греческое мировоззрение, следуя которому человек, обладавший прижизненными божественными качествами, был почитаем как герой или как бог и посмертно. Судя по этому, планомерная посмертная прокламация Селевка Зевсом Никатором является санкцией давнего существовавшего факта. Официальный государственный культ персоны царя находит свое выражение и в перечисленных элементах традиции Александра, популярной и тем самым политически полезной, но использованной лишь в отношении Селевка. Консервация Александра, без какой-либо связи с современностью, могла в дальнейшем нанести вред правящей династии.

Вторая форма культа, имевшая место в городах, является для нас уже бесспорным фактом, не лишенным, однако, различия взглядов на значения подобных актов. Обожествление Селевка,

предпринимавшееся в полисах и военных колониях, прежде всего основывалось на новом статусе живших вдали от родины греков и македонян. Как часть большой эмиграционной волны, как искатели счастья — так примерно представляется духовное состояние этих эллинов в пору кризиса материковой Греции — они в известной мере являлись изгнанными старого общества, не предложившего им никаких перспектив. Это входило в основу их признания новых царских богов. Большую роль сыграл культ, документированный в последнее время особенно Тэггером в его значительном труде "Charisma". Судя по этой работе, одним из трех для обожествления существующих культов был культ основателя, заключавший в себе прижизненное обожествление. Еще Э.Мейер назвал двух первых селевкидов "крупнейшими основателями городов в мировой истории"; при Аппиане и Малаке ( App.Syr.57; Malal.Chron. 250 sll ) также сохранилось предание об их экономической и политической плодотворной деятельности. В качестве основателя Селевк становился одновременно олагодетелем и спасителем граждан основанных им городов, гарантировавший им не только новую экзистенцию, но и сохранивший ее. Таким образом, царь стал центральной фигурой. Городской культ получил свое обоснование и, с другой стороны, в качестве царей Диადохи не имели бы возможность неограниченного вмешательства во внутренние дела полисов, не нарушив при этом гражданскую автономию; но почитаясь богами, они не имели ограничений. Если бы мы встали на точку зрения Фергюссона, утверждавшего, что городской культ — результат акта оказанной парии милости городов, то обожествление в городах потеряло бы свои мотивы. Прав, на наш взгляд, Тэггер, называвший акт обожествления выражением нового взаимоотношения царя и полиса. То обстоятельство, что существовал не только первоначальный, но и с династией постоянный основатель, вот это уже есть различие между суверенным и эллинистическим полисом монархии, чем было обусловлено подчинение полиса условиям,



поставленым его основателем.

После этих размышлений едва ли возможно согласие с Шнайдером, когда он говорит, что Селевк Никатор не подчеркивал "свою божественную миссию". Этот взгляд в принципе существует и у Хабихта. Несомненно верно выделение различных процессов обожествления в сравнении с египтянами. Верно также, что в государстве, подобном селевкидской державе, процесс обожествления был намного сложнее и не везде нашел одинаково равносильное распространение. Селевку I надо было изобрести намного более сложную и тонкую систему символов мифологических мотивов и других массовых идей для доказательства своей харизматической миссии.

Шнайдер подчеркивает, что в городских культах не было ничего "негреческого". Поскольку речь идет о полисах, населенных греками, в подобном высказывании нет ничего неестественного. Мы хотели доказать, что познаваемые нами формы культа царя в честь Селевка Никатора были созданы условиями эллинистической атмосферы, где однако понятия автономия и элентерия старого стиля уже не имели места, но что, с другой стороны, не может быть и речи об избегании всего негреческого, восточного культурного наследия. Восточная культура сыграла свою плодотворную и исчерпывающую роль, она была не только своего рода источником, но и создателем определенных форм. В результате возник эллинистический государством заложенный и покровительствуемый культ эвергета, давший царю особое выдающееся положение, связанное с идеологическими последствиями социально-экономических кризисных явлений в полисной системе, основанное на потребности проведения статуса монархии в восточных областях.

Культе царя оставался в области религиозного и философского развития в рамках эллинистического мира, в частности, царства селевкидов, невзирая на все покровительство государства, лишь одним из идеологически эффективных факторов.

Подводя итоги данной работы, нам хотелось бы сделать некоторые общие выводы. Выявив на основе имеющихся источ-

ников специфику селевкидского Урука, мы прежде всего должны отметить то, что город в данное время отражает те процессы, которые характерны для обществ исторического процесса эллинизма. Тем самым Урук — подходящий пример вавилонского города в селевкидскую эпоху. Мы в нем установили становление "сирийской нации" как этнически единый организм; эллинизация оказалась своеобразным наслоением, нашедшим свое выражение в определенных политических соотношениях и правах, предоставленных греко-македонскими верхами местному населению. Она была скорее формой гражданской жизни Урука, не коснувшись при этом серьезно устоев вавилонского общества. Само это общество переживало свой кризис, о чем особенно ярко свидетельствует имущественное положение его верхов, внедрение в них новых, незнатных лиц, обеднение их, вплоть до подобного lumpen-пролетариату положения, свободная отчуждаемость всего: магистратур, храмовых довозствий, связанных с культом функций. Этим, очевидно, и следует объяснить совместимость двух столь отличающихся друг от друга общественных форм: греческой и вавилонской. И та, и другая достигли фазы своего кризиса; они скорее терпели друг друга, нежели сливались в единое целое, существовали рядом, объединяясь под зыбкую централизованную власть селевкидов, обожествлением которых и эллины, и вавилоняне создали себе временную форму совместной жизни.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

- 1) Die Babylonische Chronik Smith ( BM 34660 u. BM 36 313) als Quelle des Diadochenkampfes (321-306 v.u.2.), в кн.: Beiträge zu Geschichte, Kultur und Religion des Alten Orients, hrsg. v. M. Lurker, Baden-Baden, 1971. I а.л.
- 2) Die Wurzeln der hellenistischen Euergetes-Religion im Staat und in den Städten des Seleukos Nikator, в кн.: Hellenische Poleis, hrsg. v. E. Ch. Welskopf, Berlin, 1974. 2 а.л.

- 3) Рец. на кн.: Fritz Schachermeyr, Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode, ВДМ, 1974, 2,203 - 210, 0,5 а.л.
- 4) Einige Aspekte der Innenpolitik des Seleukos Nikator, находится в печати и выйдет в 1975 г., доклад, прочитанный на конференции ассириологов социалистических стран в Будапеште, в апреле 1974 г.

Подписано к печати 22/У-75 г.

Зак. 260 тир. 130. Объем I 1/2 л.л.

Бесплатно. Фол ЛГУ.

199164 Лен-д, наб. Макарова 6.